

построенном «по вечным принципам», а равенство людей в обществе — лишь «дурная мечта», необходимо равенство людей перед божеством (V. Ehrenberg, *Aspects of the Ancient World*, Oxf., 1946, стр. 249).

При изображении социальной истории древней Греции исследователи стремятся нередко смягчить остроту классовых противоречий и классовой борьбы, показать легкость перехода из одного класса в другой, отсутствие пропасти между гражданином и метеком, свободным и рабом. С этим связано преуменьшение роли рабства и искажение характера социальных движений в древней Греции. Подчеркивается, вопреки фактам, приводимым самим автором (W. L. Westermann, *The Slave-Systems of Greek and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955), патриархальный характер отношений между рабовладельцем и рабом, доказываемая сравнительная незначительность восстаний рабов в Греции, даже и в поздний период ее истории (Westermann, *ук. соч.*, стр. 41 сл.), хотя эти восстания нельзя рассматривать вне связи с восстаниями рабов в Сицилии и Италии, крупные масштабы и значение которых Вестерман признает.

Социальная политика ранней тирании и эллинистических правителей идеализируется, государство изображается как сила, стоящая над классами (Cl. Préaux, W. L. Westermann и др.).

Очень показательна для состояния исторической науки на Западе новая двухтомная коллективная работа «*Handbuch der Weltgeschichte*» hrsg. v. A. Randa, Olten u. Freiburg, 1954—1956. Составители руководствовались общей идеей об утрате Европой влияния на мировые события и необходимости пересмотра картины исторического развития. Осуществление этого замысла, однако, поражает своей произвольностью и бедностью идейного содержания.

Как и другие разделы I тома, изложение истории Греции начинается с характеристики религии различных периодов (стр. 433 сл., 459 сл., 483 сл.), причем, несмотря на указания со стороны составителей, никакой органической связи между отдельными частями этого изложения нет. Никакого представления о последовательности развития, о социально-экономических отношениях эпохи у читателя не получается. Что касается политической истории, то она дана сухо, банально и несколько не соответствует тем широким целям, которые, по-видимому, ставили перед собою авторы. Для читателя остается непонятным процесс «демократизации общества» (стр. 470 сл.), так как отсутствует собственно картина самого общества. В целом перед нами одна из неудачных попыток объяснить, исходя из форм религиозной жизни, культурную, политическую и социальную историю.

Все указанные моменты характеризуют общий подход к проблеме социально-экономического и политического развития древней Греции в современной буржуазной историографии, которая в этом отношении сделала шаг назад по сравнению с основными трудами XIX—XX вв. (Грота, Э. Мейера и др.).

К. К. Зельин

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

Среди современных буржуазных историков древнего Рима не существует ярко выраженных школ и направлений. При известных разногласиях в трактовке отдельных вопросов всем им присущ, в большей или меньшей степени, ряд черт, свидетельствующих об усилении реакционных тенденций и борьбы против материалистического понимания истории.

Наиболее характерной чертой буржуазных работ военного и послевоенного времени является модернизация римской истории, попытки провести параллели между положением в Риме и в современном буржуазном обществе и, пользуясь этими мнимо существующими аналогиями, более или менее откровенно проповедовать свои реакционные, а зачастую и прямо враждебные СССР и странам народной демократии идеи.

Можно отметить следующие основные проблемы, в которых указанная особенность

выступает особенно ярко в посвященных истории древнего Рима работах, опубликованных в военный и послевоенный период.

1. Вопрос о роли рабства в истории Рима и о его влиянии на различные стороны жизни и эволюцию римской республики и римской империи. Проблема эта теснейшим образом связана с марксистским учением о социально-экономических формациях и об особенных, только им присущих законах развития и гибели. Признание этого учения несовместимо с попытками проводить упомянутые выше аналогии со всеми следующими из них, по мнению буржуазных историков, выводами. Поэтому естественно стремление современной буржуазной науки доказать, что рабство не играло никакой существенной роли в древнем Риме. Тенденция эта постепенно все усиливается. Так, если некоторые авторы, писавшие в 20-х — 30-х гг. XX в., склонны были, говоря о рабских восстаниях II—I вв до н. э., сравнивать их с пролетарской революцией, говорить о «рабском интернационале» и т. п.¹ (точка зрения — также в корне ошибочная и вызванная тем же отрицанием учения о формациях с их особыми формами и законами развития классово-войсковой борьбы), то в теперешних работах западных историков классовая борьба рабов или замалчивается, или отрицается, а значение самого рабства всячески преуменьшается.

Некоторые, наиболее враждебные советской науке авторы склонны отрицать роль рабства даже в последние века существования римской республики и объяснять даже такие грандиозные рабские движения, как восстание Спартака, «случайными причинами»². Другие уделяют в этом смысле основное внимание периоду Римской империи и пытаются доказать, что вследствие прекращения больших наступательных войн число обращавшихся в рабов военнопленных постоянно сокращалось, количество же занятых в производстве рабов падало; рабский труд вытеснялся трудом свободных; положение рабов неуклонно улучшалось; классовые противоречия между рабовладельцами и рабами сглаживались и, следовательно, не могли сыграть какой-либо роли в кризисе и падении Римской империи. Таким образом, переход от античности (т. е. рабовладельческого способа производства) к средним векам (т. е. к феодальному способу производства) представляется не результатом неизбежно наступившей вследствие кризиса рабовладельческого строя революции, а эволюцией, вызванной более или менее случайными причинами. Так рисуют дело авторы глав по истории римской империи в IV томе *Historia mundi* А. Альфельди и Ф. Хейхельхейм³: приток рабов с самого установления империи сокращался, что вынуждало собственников земли нанимать батраков и сдавать землю колонам; противоречия между рабами и свободными исчезли, зато появились новые классы, характерные для феодального общества (стр. 243 сл.; 423—437). Автор глав по римской истории во II томе «Всеобщей истории цивилизаций» Эймар⁴ довольно подробно останавливается на значении рабского труда при Римской республике и даже на рабских восстаниях II—I вв. до н. э. Но, переходя к периоду империи, он также говорит о резком уменьшении числа рабов, что заставило землевладельцев перейти к труду свободных. Отрицает он и наличие при империи классовой борьбы рабов. С его точки зрения, общее «смягчение прав» привело к столь значительному улучшению положения рабов, что «рабский вопрос» при империи вообще перестал существовать. Никто, включая и христианских проповедников, не пытался призвать рабов к сопротивлению, и рабы перестали внушать опасение господствующему классу. Следуя за Ростовцевым, Эймар считает, что основным противоречием в период империи стало не противоречие между рабами и рабовладельцами, а между городской буржуазией и эксплуатируемой сельской беднотой, восстания

¹ Сводку подобных взглядов см. у J. V o g t, *Struktur der antiken Sklavenkriege*, Mainz, 1957.

² См., напр., рецензию М. Г е л ь ц е р а на книгу Н. А. М а ш к и н а, *Принципат Августа*, «Гномон», 1955, т. 27, вып. 7., стр. 525 сл.

³ «*Historia mundi*», т. IV, *Römisches Weltreich und das Christentum*, Bern, 1956.

⁴ «*Histoire Générale des civilisations*», т. II, *Rome et son empire*, P., 1954.

которой привели к кризису и гибели античные города и созданную ими античную цивилизацию.

Особенно ярко отношение современной буржуазной историографии к вопросу о римском рабстве отразилось в посвященной греческому и римскому рабству монографии В. Уестермана⁵. Для периода конца римской республики он признает наличие в Италии, Сицилии и Африке огромного числа рабов и отмечает остроту противоречий между рабами и рабовладельцами, не только презиравшими, но и боявшимися рабов. Однако даже для этого времени он отрицает влияние самого института рабства на различные стороны социальной жизни, политического строя и культуры. С установлением же империи роль рабства, с точки зрения Уестермана, вообще сходит на нет. Число рабов, по его мнению, неуклонно падает в Италии и никогда не достигает сколько-нибудь значительных размеров в провинциях. В результате он приходит к заключению, что рабство ни в коей мере не воздействовало на историю империи: противоречий между рабами и свободными не существовало, так как под влиянием «общественного мнения», влиявшего на направленное в защиту рабов законодательство, положение рабов настолько улучшилось, что они не отличались от свободных, рабство не тормозило технический прогресс и, следовательно, не влияло на экономику: упадок рабства был не причиной, а следствием происходивших в империи экономических, социальных и политических изменений.

Обращают на себя внимание те методы, которыми пользуются современные буржуазные авторы для доказательства своих положений. Во-первых, они пытаются установить абсолютный численный упадок рабов, хотя такая статистика не только невозможна по состоянию источников, но и ничего не доказывает, поскольку формация определяется не статистическими данными о численности тех или иных групп населения. Во-вторых, они отказываются от попыток выяснить, какой тип хозяйства в разные периоды истории Рима был ведущим и какая рабочая сила там применялась, хотя только таким путем можно охарактеризовать господствующий способ производства. В-третьих, даже такие авторы, как Уестерман, специально занимающиеся историей рабства, опускают ряд данных источников, противоречащих их концепции, и, с другой стороны, привлекают явно нелепые сообщения древних авторов (так, Уестерман для объяснения азиатского происхождения многих рабов ссылается на мнение Филострата о жителях Малой Азии, которые не видели ничего постыдного в том, чтобы продавать в рабство членов своей семьи) или строят свои выводы на произвольных и антинаучных допущениях (так, тот же Уестерман пытается доказать, что рабство не развивалось в провинциях Галлии и Германии, так как самый институт рабства чужд духу «западного человека»).

Такая более или менее сознательная фальсификация в важнейшем вопросе римской истории, кроме указанной выше задачи опровергнуть учение о социально-экономических формациях, преследует также цель доказать, что классовые противоречия во всяком обществе постепенно затухают и могут быть окончательно сглажены и сведены на нет соответственными мероприятиями правительства (в данном случае — римских императоров), действующего под влиянием «общественного мнения», т. е. людей, достаточно гуманных и просвещенных, чтобы частично поступиться своей властью и своими интересами для достижения социального мира. Последнее особенно характерно для второй проблемы, привлекающей внимание авторов работ по истории Рима, появившихся в военные и послевоенные годы.

II. Проблема, так сказать, кризисных периодов в истории древнего Рима — кризис римской республики и переход от республики к империи, кризис III в., переход от принципата к доминату и гибель западной Римской империи.

Достоин внимания, что о первом из указанных вопросов и о комплексе связанных с ним моментов стали писать не только профессиональные историки, но и дилетанты, предназначенные свои книги для широкой публики и преследующие явно агитацион-

⁵ W. Westermann, *The slave systems of Greek and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955.

ные цели. Любопытно также отметить, что эти памфлеты в общем почти ничем не отличаются от работ профессиональных историков.

И те и другие неизменно начинают свои книги, брошюры и статьи с указания на чрезвычайное сходство положения в Риме в последние годы существования республики и в наше время и на то, что современникам следует, изучая римскую историю, воспользоваться теми уроками, которые она может преподать, избегнуть допущенных римлянами ошибок и учесть их достижения. «Проблемы, представляющиеся человечеству, — пишет, например, американский историк Марш в книге «Modern problems in the ancien World», — всегда одни и те же, и оно одинаково пытается решить их... Греки и римляне сталкивались с теми же проблемами, которые пытаемся разрешить и мы... им это могло не удасться, наша задача, в свете нашего опыта, изучить причины их неудач». В предисловии к книге Р. Уилки о Цицероне «The eternal lawyer», N. Y., 1947, Лорд называет Цицерона пророком, предостерегающим Америку XX в. от ошибок Рима I в. до н. э. Примеры эти можно было бы бесконечно умножить. В чем же видят буржуазные авторы упомянутое сходство и грозившую римлянам и современникам опасность? На этот вопрос дается более или менее прямой или завуалированный ответ: в обострении классовой борьбы, борьбы неимущих против имущих. Борьба эта, однако, ни в какой мере не признается фактором, органически связанным со всей предшествующей и последующей историей Рима. Признать классовую борьбу необходимой движущей силой истории современные буржуазные историки не только не могут, но и всячески сопротивляются подобным попыткам, некогда бывшим не чуждыми и исследователям из их собственного лагеря. Острая борьба, шедшая в Риме в последнее столетие республики, объясняется обычно более или менее случайными, и притом чисто субъективными, причинами. Характерна, например, рецензия известного английского историка Кери на книгу Коуэлла «Cicero and the Roman Republic» (JRS, т. XXXIX (1949), стр. 157 сл.). Рецензент приветствует автора, решительно отвергшего теорию классовой борьбы как «диагноз болезни времени». По его мнению, Коуэлл «доказал», что римская республика погибла из-за того, что массы утратили веру в «нравы предков», а «естественные руководители государства» впали в опасную апатию. В результате верх взяли всякие «гангстеры», и «борьба сословий» сделала необходимыми «некоторые реформы». J. W. Heaton, автор книги «Mab violence in the late roman republic 133—49 в. с.», Illinois, 1939, пишет, что для римской республики и для современности характерны участвовавшие случаи «насилия черни». Обуздать ее могла только военная диктатура, которая и сменила республику. Однако в этих мятежах участвовали далеко не все законопослушные и мирно трудившиеся италийки и римляне, а лишь небольшая кучка влившись в состав римского плебса азиатов. Приобрести же такую видную роль и такое влияние на события они смогли, во-первых, потому, что высшие классы стали эгоистичны и не заботились о бедных, а во-вторых, потому, что Гракхи, бывшие идеалистами и не предвидевшие возможных последствий своих действий, апеллировали к черни и тем подготовили путь опиравшимся на нее «бессовестным демагогам». В несколько смягченной форме та же концепция повторяется в IV томе «Historia mundi»: Гракхи любили родину и желали ей добра, но их печальный конец был вполне заслужен, так как они апеллировали к народу, научили его пренебрегать авторитетом сената и магистратов. Народ же, неспособный понимать, что полезно и что вредно для родины, стал орудием в руках демагогов и честолюбцев. Если бы высшие классы были уступчивее, а народ умереннее, республика могла бы сохраниться в неизменном виде.

Нарушению общности интересов между знатью и народом, будто бы существовавшей до движения Гракхов, придает большое значение и Л. Росс-Тайлор в своей книге «Party politics of the age of Caesar», Los Angeles, 1949. Склонная идеализировать раннюю римскую республику периода до Пунических войн, она сетует на пополнение рядов римского плебса выходцами с востока, которые превратили римский народ в безземельный пролетариат, легко поддающийся влиянию демагогов. Именно это способствовало усилению партийной борьбы в Риме и его «фашизации». Еще более ярко этот мотив звучит в упомянутой книге Уилкина. Цезаря он отождествляет с тираном —

Гитлером, Цицерона — с «идеальным парламентарием» — Черчиллем. Но поскольку он видит большую заслугу Цезаря в его умении «усмирять чернь», то он считает, что союз боровшегося за республику, законность и порядок Цицерона с Цезарем мог бы дать самые положительные результаты и сохранить Римскую республику на неопределенно долгий срок. К подобному союзу автор склонен призвать своих современников.

Таким образом, тот «урок», который буржуазные историки извлекают из истории падения римской республики, сводится к мысли, что классовая борьба является фактором случайным и в общем устранимым. Если же устранить его не удастся, то приходится примириться с «сильной властью», которая, правда, уничтожает демократические «свободы», но зато одна только может подавить сопротивление масс. Любопытна в этом смысле рецензия Джильса на лекцию известного английского историка Сайма, прочитанную в Сиднейском университете (JRS, т. XLI (1951), стр. 161 сл.). По мнению рецензента, лекция Сайма особенно ценна, потому что она учит, каким образом люди могут утешиться в гибели демократии. Такая постановка вопроса, пишет Джильс, связывает античность с современностью и показывает актуальность изучения истории Рима.

В данной связи особенно характерна всеобщая безудержная идеализация Августа. Его рассматривают как примирителя линии Цицерона и линии Цезаря: он сумел, действуя в интересах высших классов, обеспечить «социальный мир» (т.е. подавить народные движения) и установить сильную власть, но не в форме оскорблявшей аристократию открытой диктатуры Цезаря, а в форме завуалированной, прикрытой республиканской фикцией власти «первого среди равных». Идеализация Августа, как мы увидим далее, имеет и другой смысл — она должна способствовать пропаганде подчинения различных, более мелких стран, единой державе, под властью которой они обретут покой от внутренних неурядиц.

Как видим, уже при рассмотрении кризиса римской республики делается некая попытка подменить классовую борьбу борьбой расовой: движения римского плебса многие авторы пытаются объяснить проникновением в его среду азиатского элемента. Еще более заметно эта тенденция выступает у авторов, рассматривающих кризис империи в III в. Наиболее последовательно на точке зрения борьбы рас стоит Альтхейм в своих посвященных этому вопросу работах⁶. Борьбой новых, кочевых, только что вышедших на историческую арену рас со старыми расами, создавшими древние государства, Альтхейм объясняет все события III—IV вв. на территории от Китая до Римской империи. Та же борьба, с его точки зрения, шла и внутри государств, в частности, и внутри Римской империи. Социальная история последней, с точки зрения Альтхейма, лишь производное от истории борьбы рас. Новые расы устанавливают и новый порядок; так, их делом было установление феодализма, который, однако, Альтхейм связывает не с особенностями социального строя этих новых рас, а с их военной тактикой. Вместе с тем, отдавая должное нераздельно господствующей в современной западной науке теории творческой роли отдельных государственных деятелей, императоров и т. д., Альтхейм огромное значение придает этнической принадлежности тех или иных императоров, этническому составу сената, войска. Из присущих будто бы той или иной народности особенностей мировоззрения он пытается вывести толкование действий и мероприятий императоров, сената, солдат. Так как источники не дают никаких материалов, подтверждающих подобную концепцию, и даже прямо ей противоречат, автору приходится прибегать к многочисленным натяжкам, что делает работу Альтхейма неприемлемой даже с точки зрения многих буржуазных ученых. Однако многие из них также в данном вопросе придают чрезвычайно большое значение моменту расовому, хотя и в несколько более завуалированной форме, чем Альтхейм. Так, Т. Франк в своей «Истории Рима» (History of Rome, N. Y., 1942) в кризисе империи решающую роль отводит проникновению в Рим восточных уроженцев и чуждого «римскому духу» восточного миро-

⁶ F. A l t h e i m, Die Soldatenkaiser, Fr. a. M., 1939; он же, Die Kriese der alten Welt in 3. Jahrhundert N. Zw. und ihre Ursachen, B. — Dahlem, 1943; он же, Niedergang der alten Welt. Eine Untersuchung der Ursachen, Fr. a. M., 1952.

созерцания. То же делает и Кальдерини в своих монографиях «La Crisi del III secolo d. Cr», Milano, 1945 и «I Severi. La crisi dell' Impero del III secolo», Bologna, 1949. Мысль о пагубности «разложения римского гражданства» и вытеснения в администрации и армии римлян и италиков варварами проскальзывает и в соответствующих главах «Historia mundi». У упомянутых авторов ссылка на смешение рас и проникновение восточных элементов и восточных идей сочетается с указанием на столь же пагубное, с их точки зрения, возвышение низших классов, поднявшихся на борьбу против классов обеспеченных, создателей римской городской жизни и греко-римской культуры. Концепция эта восходит к Ростовцеву, который выступил с реакционным утверждением, что революция бедноты и крестьянства не только пагубно влияет на цивилизацию, но и не приносит облегчения совершившим ее низшим классам, так как заканчивается установлением бюрократического «тоталитарного» государства, тяжело давящего на все, в том числе и на низшие классы общества. Обосновывая свою ярко реакционную точку зрения, Ростовцев исходит из того, что основным противоречием римского общества было не противоречие между рабовладельцами и рабами (что уничтожило бы возможность проводить аналогии между классовой борьбой древности и современности), а противоречие между городскими землевладельцами, «городской буржуазией» и эксплуатируемым ею сельским населением. Последнее совместно с городской беднотой начинает ряд восстаний, выразившихся в военных мятежах, поскольку, с точки зрения Ростовцева, армия тогдашнего времени состояла из бедноты. К власти приходят вышедшие из низов и действовавшие в их пользу императоры, которые истребляют городские слои и пролагают путь государству поздней империи.

Хотя концепция Ростовцева была подвергнута критике и в буржуазной литературе, она в той или иной мере принята многими современными западными историками. Почти полностью ей следует Эймар во II томе «Histoire Générale des civilisations». В «Historia mundi» и у Кальдерини она сочетается с указанием на проникновение восточных жителей и восточных идей на запад. Кальдерини подчеркивает, что римская армия, состоявшая из бедноты, стала орудием в руках стремившихся к власти честолюбцев, которые, вступив на престол, действовали в интересах бедноты, проводили земельные конфискации, разоряли города, переобременяли налогоплательщиков и т. п. В результате и экономика, и культура Римской империи пришли в упадок. Авторы «Historia mundi» наряду с этим придают также большое значение усилению государственного аппарата и его пагубному вмешательству во все стороны жизни общества.

Следует заметить, что в отношении к поздней империи среди буржуазных историков существует такое же и вызванное теми же причинами разногласие, как в отношении к Цезарю и к Цицерону, которых по-разному оценивают сторонники «парламентаризма» и «сильной власти». Первые все еще продолжают указывать на то зло, которое приносит стеснение государством «частной инициативы». Вторые уже склонны признать, что в условиях вызванного внешними войнами и классовой борьбой кризиса диктатура «сильного вождя» и подавление личности обществом были благотворны⁷. В связи с этим для последних работ, посвященных поздней империи, идеализация Константина так же характерна, как идеализация Августа для работ, посвященных истории падения римской республики и возникновения империи. Отличие вторых от первых, пожалуй, в еще большей их реакционности. Константин обычно представляется боговдохновенным правителем, исключительно по своей воле определившим весь ход исторического процесса. Это и понятно — малейшие попытки вскрыть социальные корни политики Константина и тех групп, которые привели его к власти, нанесли бы решительный удар всем построениям западных историков.

Таким образом, для трактовки узловых, «кризисных» периодов римской истории в современной буржуазной литературе характерны: попытки подменить классовую борьбу расовой; доказать, что классовая борьба является порождением случайных ошибок, допущенных правящими классами, и что при наличии опыта и доброй воли ее можно избежать; что классовая борьба, в конечном итоге, пагубна не только для

⁷ Напр., W. D u r a n t, Caesar and Christ, N. Y., 1944, стр. 645.

высших, но и для низших классов и что, в случае, если ее не удастся устранить взаимными уступками и примирением, наилучшим выходом является «сильная власть», действующая в интересах высших классов и подавляющая низшие классы к их же благу. Все эти «уроки, извлеченные из римской истории», объявляются действительными и для современности, что делает работы по римской истории немаловажным оружием в борьбе за утверждение влияния буржуазной идеологии.

III. С идеализацией Августа и Константина тесно связана идеализация всего строя Римской империи и тех «благ», которые она принесла своим подданным. Выше уже говорилось о попытках доказать, что при империи смягчилось и улучшилось положение рабов, которые уже перестали отличаться от свободных. Пожалуй, еще большую роль в идеологии современного империализма играют попытки доказать благотворность завоевания Римом народов, включенных в состав Римской империи.

Свою небольшую популярную книгу о Римской империи известный английский историк Чарльсворт⁸ начинает с того, что при империи все страны Средиземноморья, находясь под одним управлением, пользовались выгодами мира, законности, процветания, порядка. Римляне господствовали, но другие расы не презирались и не подавлялись. Тех, кто желал с ним сотрудничать, Рим награждал правом гражданства, независимо от его расовой или религиозной принадлежности. Блага, которыми обладали эти разноплеменные римские граждане, были столь велики, что их не мог соблазнить никакой «новый порядок». Это давало Риму силы победоносно переживать различные кризисы. Если и была кое-где на востоке оппозиция власти Рима, то, по мнению Чарльсворта, таких «злонамеренных» было ничтожное меньшинство. Эта характеристика Римской империи в современной западной, главным образом англо-американской, литературе настолько типична и общепринята, что нет смысла умножать изложение аналогичных точек зрения. Все они сводятся к тому, что Рим сумел решить проблему сосуществования различных рас и обеспечил всем провинциям внешний и внутренний мир. Население провинций при этом обычно рассматривается как единое целое, не разделенное на классы и социальные группы. Проблема расовая и национальная, которая в древности практически особой роли не играла, так как этническая принадлежность отступала далеко на задний план по сравнению с гражданской правоспособностью, выдвигается на передний план и объявляется решенной под мудрым правлением императора. Любопытно, что идеализируется положение римских провинций не только в ранней империи, когда некоторые из них действительно переживали быстрое развитие производительных сил, но и в поздней империи, когда тяжелое положение провинций не вызывает сомнений. Так, Джонс в рецензии на цикл лекций Белла по истории Египта от Александра до Арабского завоевания (JRS, 1949, стр. 171 сл.) пытается доказать, что период поздней империи был самым счастливым для Египта. Тот же тезис выдвигают американские историки Джонсон и Уэст в работе «Byzantine Egypt: economic studies», причем для доказательства его отмечают как «не отражающие действительности» все данные источников о тяжелом положении египетского крестьянства. В таком же духе написана небольшая популярная книжка известного французского историка Тевено «Les gallo-romaines», Р., 1948. Автор прославляет благотворное влияние римского завоевания на Галлию и полную романизацию всех слоев ее населения, которому Рим обеспечил мирную и спокойную жизнь. Надо заметить, что если до войны большинство французских историков стояло на такой же точке зрения, то после фашистской оккупации наметилась резкая реакция. В ряде вышедших за это время во Франции книг их авторы, виднейшие французские историки, стараются показать все значение и самобытность кельтской культуры и отрицательную роль римского завоевания для древней Галлии и даже для современной Франции. В своей книге «La Gaule», Р., 1957, Ф. Ло рассматривает завоевание Галлии Цезарем как огромную катастрофу, лишившую галлов не только политической независимости, но и национальной культуры и традиций. Такая же точка зрения характерна и для ряда других книг, посвященных истории галльских войн. Их авторы резко отрицательно относятся к де-

⁸ М. Р. Чарльсворт, *The Roman Empire*, Oxf., 1951.

тельности Цезаря, а его приверженцев в среде самих галлов, они называют «агентами пятой колонны». При всей закономерности и оправданности этого направления во французской историографии следует учитывать, что оно придает исключительное значение национальному моменту, по большей части игнорируя социальный — ту острую борьбу между народом и племенной знатью, которая и обусловила союз последней с Римом и победу Цезаря.

Если у французских историков, даже признающих благотворность римского завоевания для Галлии, это положение остается без развития, то по-иному препарируют историю англо-американские авторы. Так, Брэди, посвятивший свою книгу галльским войнам Цезаря, не только безмерно восхищается военным гением последнего, но осуждает все попытки галлов сопротивляться римскому завоеванию, но объявляет последнее одним из важнейших событий мировой истории на том основании, что оно сделало Рейн как в древности, так и в современности «рубежом, отделяющим варварство от цивилизации». Прорекламировав этот тезис, автор делает из него не требующий комментариев вывод: «Теперь все американцы знают, что наша граница проходит по Рейну»⁹.

В этой «концепции» имеется один характерный для всей послевоенной англо-американской историографии штрих, а именно — попытки доказать, что не только Англия, но и США являются непосредственными и прямыми преемниками и носителями античной цивилизации и «цивилизаторской миссии» Рима. Так, в статье «What is american history?» (Classical Journal, 1945, № 1, стр. 7 сл.) Штейнгауф утверждает, что неправильно начинать историю Америки с Колумба. Америка — наследница всего лучшего, что создала древность от Моисея до бл. Августина, а американский строй жизни — реализация всего того, о чем мечтали Аристотель, Цицерон, Вергилий, Иисус Христос. На той же позиции стоит известный английский историк Г. Лэст¹⁰. Америка и Западная Европа, под которой он подразумевает часть Европы, входившую некогда в состав Римской империи, по его мнению, — носители и продолжатели античной цивилизации, поэтому их обязанность — продолжить дело Рима. Западная Европа, пишет Лэст, «поняла, что имеет свою, унаследованную от Рима цивилизацию, общую ей с заокеанскими странами и резко отличную от цивилизации ее соседей на континенте». Одним из наиболее назревших вопросов современности, продолжает Лэст, стал вопрос о том, «удастся ли продвинуть границы этой западной цивилизации в Европе за линию, бывшую некогда римской границей». В связи с этим он ополчается даже на такого реакционного социолога, как Л. Тойнби, за то, что тот делит цивилизацию на греко-римскую и западнохристианскую. По его мнению, западная цивилизация не испытала в своем развитии от зарождения греческой культуры до наших дней никакого перерыва (JRS, т. XXXIX (1949), стр. 116—121). Для него, как и для многих историков, близких к фашизму (например, двухтомная «Weltgeschichte des Mittelmeerraumes» Корнемана, вышедшая в 1949 г.), извечное, с его точки зрения, деление на «запад» и «восток», на исконно враждебные друг другу «западную» и «восточную» цивилизации гораздо более реально, чем деление истории по каким-то хронологическим периодам, не говоря уже о периодизации по социально-экономическим формациям.

Итак, позиция буржуазных историков по вопросу о роли римского завоевания ясна: Риму удалось в покоренных им областях добиться процветания, счастья и социального мира, благ, за которые не слишком дорогой ценой была утрата государственной независимости, тем более что, приобщив все народы к греко-римской культуре, а достойнейших — к римскому гражданству, римское правительство сумело достичь мирного разрешения расовой и национальной проблемы. Кровопролитные войны, которые Рим вел для создания своей империи, оправдываются тем, что они послужили «расширению границ мира и справедливости»¹¹. Современным народам рекомендуется

⁹ S. G. B r a d y, Caesar's Gallic campaigns, Harrisburg, 1947.

¹⁰ См. JRS, т. XXXIX 1949, стр. 1—5; 193—195.

¹¹ R. W i l k i n, The eternal lawyer, N. Y., 1947, стр. 65.

учесть опыт Римской империи, и, пожертвовав национальной независимостью, объединиться под эгидой «наследников римской цивилизации». Если же они не желают сделать это добровольно, то они должны быть приобщены к «западной культуре» насильственным путем. В данном вопросе, как мы видим, реакционная сущность англо-американской историографии проявляется особенно ярко.

IV. Общей методологической основой всех указанных концепций является признание преобладания идей, или даже иррациональных инстинктов, над материальными факторами и воли «выдающихся», «творческих» личностей над массами. Известный итальянский историк Л. Паретти начинает свою многотомную историю Рима («Storia di Roma», 1952, т. I, введение) именно с утверждения, что история Рима, как и всякая история, определяется той борьбой, которую вели гениальные личности против аморфной и косной массы. По мнению Лэста, определяющим в истории является «творческое меньшинство», причем даже не действия его, а мышление. Историк, пишет он, должен заниматься только теми событиями, которые являются выражением мысли или эмоции. Главное в истории — идеи, чувства, эмоции и страсти. Никакие законы установить в истории невозможно, нельзя даже определить, что является регрессом, а что — прогрессом; максимум, что может сделать историк, это попытаться установить, почему те или иные идеи породили ту или иную цивилизацию, которая не имеет ничего общего с материальными условиями жизни (JRS, т. XXXIX (1949), стр. 4; 116—121). Момильяно считает невозможным связать историю конституций с анализом влиявших на нее социальных сил (там же, стр. 155—157). Джонс отрицает возможность дать ответ на вопрос, почему в ту или иную эпоху творческая мысль работает или не работает в той или иной области, например, почему в период Римской империи не было крупных технических изобретений (JRS, т. XXXVIII, (1948), стр. 149 сл.). Приоритет духовным факторам отдают и авторы IV тома «Historia mundi». Во введении к тому указывается, что культурным факторам будет уделено главное внимание, так как греческий дух и римская государственность создали те основы современной Европы, которые существуют и поныне. В упомянутых выше работах Кальдерини при рассмотрении кризиса империи в III в. огромную роль играет некая «идея Рима», которая в конце концов восторжествовала над раздиравшими империю «силами диссоциации», к которым автор, в частности, относит и «восточные идеи» и «восточную мистику». Распадом римской идеи, распространением восточной мистики и «неспособностью античности понять самое себя» объясняет кризис Римской империи Кочрен¹². Вообще влиянию восточной идеологии на западную часть империи и так называемой «ориентализации империи» отводится огромная роль в истории культуры и в истории империи в целом. Роль эта обычно рассматривается как отрицательная, что вполне согласуется с упомянутой выше концепцией вечной борьбы восточного и западного начала.

Ставя историю культуры в центре исторического процесса, буржуазные историки рассматривают ее в полном отрыве от эволюции экономики, социального строя, форм классовой борьбы. Отдельные явления культурной жизни рассматриваются как результат механического взаимодействия отдельных факторов, например, религия римской Галлии — лишь как соединение древнекельтских и римских религиозных представлений, как бы вне зависимости от той среды, в которой имело место это взаимодействие. Роль народных масс в культурном творчестве совершенно не учитывается. Некоторые авторы прямо утверждают, что носителями культуры могли быть лишь высшие классы¹³. Пожалуй, лишь единственный раз за последнее время прозвучал призыв изучать «чувства» широких масс — в статье Лэста, который предлагал исследовать, каким образом удавалось правительству империи заставить низшие классы идти воевать (JRS, т. XXXVII (1947), стр. 152 сл.). Чрезвычайно возрос интерес к мистическим учениям древнего Рима, к представлениям о загробной жизни и т. д. Характерно, что огромное большинство явлений религиозной жизни Рима и провинций связывается исключительно

¹² Ch. Cochrane, Christianity and classical culture, L., 1944.

¹³ Например, E. Salmon, A History of Roman world from 30. B. C. to A. D. 138, N. Y., 1944, стр. 60.

но с учениями о бессмертии души и загробном существовании. Все многообразие представлений о мире и человеческой деятельности, выступавших в форме верований, мифов, обрядов, традиций, исчезает, остается только эта весьма важная, но далеко не исчерпывающая сторона идеологии различных классов римской империи. В этом, несомненно, проявляются упадочность и пессимизм, свойственные современной буржуазной культуре.

Все изложенное показывает, что история древнего Рима в том извращенном виде, в каком она излагается современными буржуазными учеными, служит целям пропаганды буржуазной, империалистической идеологии. Появление многочисленных популярных работ по римской истории лишний раз показывает, какое значение ей отводится в этом плане. Достоинство внимания, что авторы ряда опубликованных в американском журнале «Classical Journal» статей о значении изучения древней истории, в частности, истории Рима, со всей откровенностью признают, что она должна удерживать молодежь от увлечения материализмом, стремления к прогрессу, восприимчивости к «новым доктринам» и т. п.¹⁴.

В связи с этим советским историкам следует обратить внимание на те проблемы, которые, как указывалось выше, особенно интенсивно используются для пропаганды реакционных теорий.

Первоочередной задачей является создание серьезной, основанной на исчерпывающем изучении и использовании источников монографии по истории римского рабства. Отсутствие такой работы, написанной достаточно эрудированными историками-марксистами, облегчает противникам марксизма нападки на труды марксистских историков и искажение учения о рабовладельческой социально-экономической формации.

Во-вторых, следует активно продолжать уже ведущуюся в течение ряда лет нашими антикварами работу по изучению отдельных римских провинций. Только такое углубленное изучение даст возможность ответить на вопрос о том, какова была роль римского господства в различных частях римского мира, какие причины обуславливали успех или неудачу римской агрессии, какова была классовая структура той или иной провинции и как повлияло римское завоевание на отдельные классы и социальные группы, и т. п.

Наконец, весьма важно уделить значительно больше внимания, чем это делалось до сих пор, изучению истории культуры Рима и римских провинций; показать ее развитие в органической связи с эволюцией социально-экономического базиса; исследовать, каковы были представления и чаяния широких масс, рабов и свободных, как формы их идеологии были связаны с формами классовой борьбы, и т. п. В этом направлении в советской науке пока сделано недопустимо мало, и пробел этот должен быть заполнен совместными усилиями историков, филологов-классиков и археологов.

Е. М. Штаерман

О. В. КУДРЯВЦЕВ, Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории, Изд-во АН СССР, М., 1957, 376 стр. + указатели, тир. 2000 экз., цена 15 р. 40 коп.

Рецензируемая работа покойного О. В. Кудрявцева посвящена исследованию больших проблем древней истории: вопросу о появлении и расселении славянских племен, истории чрезвычайно важных для Римской империи дунайских провинций, общим методологическим вопросам древней истории. Книга О. В. Кудрявцева представляет поэтому большой интерес как для историка античности, так и для слависта. Большую часть работы занимает круг вопросов, связанных с историей племени

¹⁴ См. особенно статьи Н. Н. Chamberlin, *Classica and chaos*, «Classical Journal», № 6, 1945, стр. 321—330; Е. С. Taylor, *The classics in hostile world*, «Classical Journal», № 1, 1944, стр. 4—9.